

НОВЫЕ ЛИКИ ИНТЕГРАЦИИ ОТ ЛИССАБОНА К КАИРУ И БАНГКОКУ

SOLINGEN, Etel. *Comparative Regionalism: Economics and Security*. London and New York: Routledge, 2015. 304 p.

СОЛИНГЕН, Этель. *Сравнительный регионализм: экономика и безопасность*. Лондон/Нью-Йорк: Изд-во «Рутледж», 2015. 304 с.

В издательстве «Ратледж» вышла долгожданная книга известного американского исследователя, признанного специалиста по вопросам регионализма и интеграционных процессов, бывшего президента Ассоциации международных исследований, почетного профессора Калифорнийского университета в Ирвине Этель Солинген «Сравнительный регионализм: экономика и безопасность». В этой почти энциклопедии современной компаративистики исследуются ключевые вопросы политической и экономической регионализации, истоки и итоги локальных конфликтов, а также потенциал и перспективы интеграционного строительства в различных районах планеты. С трудно скрываемым пристрастием автор обращается в первую очередь к неевропейским региональным сюжетам. В книге переосмысливаются внешняя и внутренняя политика крупнейших региональных держав, их экономическая ситуация и политика, развитие демократических институтов, влияние многосторонних региональных структур, соглашений и инициатив на внутри- и внешнеполитические приоритеты государства, а также мировые политико-идеологические тренды.

Тематически фокус Э. Солинген не ограничивается каким-то одним набором регионов или проблем. Напротив, затронут ши-

рокий спектр вопросов: от региональных и глобальных эффектов демократизации на Ближнем Востоке и в Восточной и Юго-Восточной Азии до возвышения КНР, от межгосударственных отношений в Европейско-Средиземноморском макрорегионе до вопросов ядерной безопасности. Особый акцент сделан на «понимании» внутривнутриполитических стратегий рассматриваемых стран для того, чтобы лучше уяснить последствия политической и экономической глобализации на динамику и будущее региональной конфликтности и/или кооперации.

Книга Э. Солинген – антология научных статей разных лет, материал которых был освоен с учетом реалий конца 2014 года. Автор сразу оговаривает, что в центре ее исследовательского интереса были и остаются, главным образом, неевропейские процессы. В основе классических исследований интеграционных процессов, как известно, лежал опыт анализа европейского регионализма, поскольку в те годы отсутствовал адекватный эмпирический материал вне рамок Европы. С тех пор ситуация радикально поменялась. В монографии представлен альтернативный взгляд на природу интеграционных процессов. Рассматриваются комплексные, структурные связи межгосударственного и субнационального уровня в регионах с преоб-

ладанием развивающихся стран. Важными для понятийной картины мира автора оказываются термины «международный» и «региональный порядок». Отход от несколько идеалистических теорий европейской интеграции продиктован и необходимостью глубокого рассмотрения причин межгосударственного сближения в таких внутренне конфликтных регионах, как Восточная и Юго-Восточная Азия, Ближний Восток и Латинская Америка.

Книга «Сравнительный регионализм» состоит из четырех (их предваряет содержательное введение) глав, освещающих четыре крупных блока вопросов: (1) глобализация, экономические реформы и внутрирегиональные отношения и связи; (2) степень влияния демократических институтов на процессы регионализации; (3) истоки формирования, внутренняя структура, модели региональных институтов и последствия их функционирования; (4) основные алгоритмы обеспечения региональной безопасности. Монография изобилует наглядными схемами, которые позволяют лучше воспринять аргументы автора (большая часть региональной эмпирики оформлена в виде таблиц в приложении).

В первой главе «Глобализация, экономическая реформа и региональные отношения» (*Globalization, Economic Reform and Regional Relations*) изложена авторская интерпретация структуры и логики региональных интеграционных процессов. Основой для этого служит богатый страновой материал, вобравший примеры регионализма/интеграционных процессов на Ближнем Востоке, в Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии, в Латинской Америке и, наконец, в Европейско-Средиземноморском макрорегионе. Отправной точкой аналитической конструкции Солинген является фиксация факта «интернационализации государственного режима», то есть повышения степени влияния международных процессов на внутривнутриполитическую ситуацию через снижение экономических барьеров и выход на международные рынки, проникновение зарубежного капитала, инвестиций и технологий. Как след-

ствие, происходит значительный сдвиг в структуре занятости населения, доходах и ценах, предоставлении общественных услуг. Изменения затрагивают и государственный сектор, который все больше начинает ощущать на себе императивы разнообразных глобальных режимов, в том числе в области безопасности, защиты гражданских прав и сохранения окружающей среды. Последствием растущей интернационализации для группы сопредельных государств, по мнению автора, оказывается своеобразная бифуркационная развилка: возможность оформления двух типов межгосударственных региональных коалиций – *экстравертных* и *интroversтных* (то есть внешне- и внутреннеориентированных) – в зависимости от степени замкнутости/открытости группировки к новым веяниям (с. 36). Со своей стороны, существенное влияние на внешнюю среду могут оказывать и внутривнутригосударственные институты этих стран. Это обеспечивается через синергетический эффект создания единой или сближающейся внешнеполитической стратегии на локальном, региональном и глобальном уровнях.

Поскольку политическая элита любого государства заинтересована в максимизации влияния в процессах распределения национальных ресурсов и формировании экономических и политико-идеологических интересов государства, экстравертные («интернационализирующиеся») коалиции делают ставку на тех агентов, которые способны увеличить открытость национальной экономики для внешних субъектов: компании экспортоориентированных секторов экономики, высококвалифицированную рабочую силу (в частности, задействованную в НИОКР), конкурентоспособные отрасли сельского хозяйства, а также финансово-экономические институты (центральные банки и резервные системы, министерства финансов и торгово-экономического блока). В интroversтных же («национально-этатистских») режимах наблюдается обратный процесс. Поощряются компании импортозамещающих отраслей промышленности и сельского хозяйства,

государственные корпорации и коммерческие банки со значительной долей государственного участия. Более того, происходит процесс сознательного формирования режима «региональной автаркии» через стимулирование интегрированного военно-промышленного комплекса, лояльных бюрократий и националистических, этнических и религиозных движений патриотического (а порой и «ура-патриотического») толка (с. 52-54).

Коалиции и региональные группировки различного типа детерминируют различные типы регионального порядка, иначе – идеальные типы регионализма, по Солинген. Экстравертные страны склонны к созданию региональных режимов и институционализирующих их организаций созидательного, кооперативного типа. Их Э. Солинген называет «зонами мира» (*zones of peace*). Напротив, регионы, пытающиеся «замкнуться» внутри себя, приводят к появлению «зон войны» (*zones of war*). Поскольку обе категории, понятно, воплощают идеализированное понимание одной из парадигм интеграционных процессов, автор выделяет третий, смешанный тип взаимодействия национальных государств – «зона контролируемого конфликта» (*zones of contained conflict*). В качестве яркого примера двух идеальных типов взаимодействия исследователь приводит военно-политическую и экономическую ситуацию в Юго-Восточной Азии (зона мира) и на Ближнем Востоке (зоны войны) (с. 95-99).

Развивая свою оригинальную трактовку теории регионализма, Э. Солинген вступает в полемику с неореалистским подходом к концепции баланса сил. Последний, по ее мнению, не объясняет последствия действий государств, приведших к созданию «зон мира» (вплоть до зон, свободных от ядерного оружия), и реализации успешных и экономически эффективных стратегий регионального сотрудничества в различных частях мира.

Своеобразно трактуется ею и «дилемма безопасности». Рассматривая в исторической ретроспективе два первоначально похожих по внутривнутриполитическим характери-

стикам друг на друга региона (Юго-Восточная Азия и Ближний Восток), автор выдвигает новый, нетипичный для классической теории МО тезис: схожие коалиции при прочих равных условиях протекания внешнеполитических процессов могут выбрать различные, а порой и диаметрально противоположные внешне- и внутривнутриполитические траектории развития. Причиной тому стали различные внутривнутриполитические ориентиры, заданные национальными правительствами. Государства ближневосточного региона опирались на модель частичного импортозамещения, что привело к политической обособленности, «милитаризации» экономики, росту напряженности/нестабильности в регионе и, как результат, шаткости государственного режима. Азиатские страны, напротив, пошли по пути диверсификации экспорта, большего вовлечения в мировую торговлю, отхода от чрезмерного стимулирования ВПК, что позволило в дальнейшем избежать политической нестабильности и прийти к состоянию относительной торгово-экономической устойчивости (с. 41). Таким образом, исследователь приходит к выводу, что «дилемма безопасности» не совершенна и имеет очевидные изъяны.

Необычное звучание в книге получает и привычная антиномия центра и периферии. С точки зрения Э. Солинген вовлечение в глобальную экономическую систему имеет двоякий эффект: оно может как накладывать на государства периферии ограничения в плане экономического роста, так и создавать возможности для перемещения в так называемый «центр» мирового порядка. Все зависит от внешнеполитического поведения государства (выбора в сторону «автаркии» или «открытого рынка») и наличия внутривнутриполитических материальных и идеологических ресурсов, которые могут быть мобилизованы за короткий период времени. Приводится пример Китая, который сумел воспользоваться ситуацией и успешно изменил текущую расстановку сил. Автор отмечает, что, руководствуясь «теорией зависимости» и стремясь избежать ресурсного проклятия, некоторым

странам удалось добиться небывалых высот в рамках регионального экономического сотрудничества.

В заключение главы представлены основные модели практики взаимной межгосударственной и внутригосударственной поддержки элит, которые способствуют формированию стабильных коалиций. Рассмотрены последствия и результаты вовлечения развивающихся государств в глобальные процессы, которые, в свою очередь, косвенно оказывают влияние на внутривнутриполитическую обстановку в странах рассматриваемых регионов. Особое внимание уделено коалициям государств смешанного типа, формирующих *зоны контролируемого конфликта* (с. 99). В качестве эмпирического материала представлена выборка из 98 региональных групп на материале анализа пяти географических регионов.

Автор констатирует наличие взаимозависимости между степенью вовлеченности государств в глобальный и региональный порядок и их стремлением к сотрудничеству и созданию атмосферы стабильности (а не к конфронтации и тотальной милитаризации). Верно и обратное: *интровертные* коалиции склонны к автаркии и политической, экономической и идеологической «автономии» от международной политико-экономической среды.

Во второй главе «Региональные проявления демократических институтов» (*Regional Effects of Democratic Institutions*) расширен аналитический аппарат, детализированы последствия воздействия институтов демократии на траектории и маршруты регионализма. Фокус исследования перенесен на взаимодействие демократических и авторитарных институтов, обсуждение оптимальных внешнеполитических стратегий и влияние региональных политических процессов на формирование того типа регионального порядка, который обуславливает либо сотрудничество, либо соперничество/конфликт между державами (с. 119). Акцент сделан на том, что можно провести грань между региональными (межгосударственными) и внутригосударственными политическими процессами,

причем не исключается возможность «сотрудничества» (эффективного взаимодействия) демократических и авторитарных институтов на национальном и межправительственном уровнях.

В главе рассмотрены наиболее интересные примеры регионального взаимодействия. В качестве идеал-типической *зоны мира* выбран регион Восточной Азии, который, по словам автора, создает новый локальный архетип «Пакс Азиатика» (*Pax Asiatica*), а в роли одиозной *зоны войны* выступает Ближневосточный регион под наименованием «Белла Левантина» (*Bella Levantina*). Э. Солинген останавливается на трех наиболее значимых сферах, изменения в которых влияют на характеристики регионального порядка: демократия (с. 156), военные институты (военная сила) и природа государства (политического режима). Проводя параллель между изменениями, проходившими в государствах двух регионов с 1950-х годов по наши дни в этих трех разрезах, автор убедительно объясняет причины локальных изменений в формировании определенной системы регионального порядка.

Как отмечает исследовательница, модели коалиций в вышеперечисленных двух регионах имеют общие черты. *Во-первых*, они опираются на государственные институты, которые определяют степень вмешательства частного капитала в экономику или же полное его замещение государственным. *Во-вторых*, военные институты стран регионов использовались в качестве эффективного репрессивного механизма политического контроля. Они определяли объем инвестиций в военно-промышленный комплекс, ориентацию деятельности последнего, а также уровень замещения госкорпорациями частных компаний внутри и вовне отрасли экономики. *В-третьих*, обе формы регионализма в значительной степени опирались на авторитарные режимы, которые смогли благодаря экспортоориентированной экономике осуществить значительные изменения во внутривнутриполитической жизни, способствующие появлению стабильных демократических институтов. Последний тезис

проиллюстрирован на примере появления «платформ» регионального сотрудничества (АСЕАН, АРФ, АТЭС) в Восточной и Юго-Восточной Азии.

В ближневосточном регионе возможность формирования стабильных (за исключением ЛАГ) межгосударственных институтов была подорвана отсутствием реального межправительственного сближения, которое перемежалось с панарабской и панисламистской риторикой национальных элит. Более того, в государствах Ближнего Востока наблюдалась чрезмерная «милитаризация» политической и экономической сфер (в отличие от азиатских стран, где этот процесс носил более умеренный характер). Структура внешних поставок также не была диверсифицирована (преобладал экспорт ресурсов), что приводило к структурным дисбалансам в степени развития различных сфер экономики. Происходило выбытие капитала из неэкспорториентированных секторов экономики и «перенасыщение» ресурсных отраслей (в связи с их высокой доходностью) и ВПК (всегда имевшем стратегическое значение для государства). Для компенсации созданного дисбаланса проводилось частичное замещение недопроизведенных благ и товаров импортными аналогами. В итоге в ближневосточном регионе не удалось достичь региональной стабильности, снижения темпов гонки вооружений и, как результат, прочного мира. Все вышеперечисленные факторы привели к возникновению «зоны конфликта», хотя первоначально были все предпосылки для формирования «зоны мира».

Наиболее интересна гипотеза, которая ставит под сомнение взаимозависимость демократизации режима и стабильности в регионе — а значит, и *теорию демократического мира per se*. Рассмотрен казус Израиля, чья относительная стабильность и безопасность связана с достижением договоренностей с авторитарными арабскими режимами (с. 158). В данной главе рассматриваются взаимосвязи между политической либерализацией, экономическими реформами и сдвигами в межправительственном сотрудничестве для разрешения много-

стороннего арабо-израильского конфликта. Интересна позиция автора в отношении процессов регионализации в исламском мире, особенно в связи с событиями «арабской весны». Логика суждений Э. Солинген, представленная в главе, проливает свет на процессы специфической, «клерикальной» демократизации в регионе.

В конце главы рассмотрен процесс экономической и политической либерализации в Китае (с. 164). Выявлена специфическая роль КНР в создании условий для регионализма (интеграционных процессов) в Восточной Азии и стабильного экономического роста. Сделан акцент на необходимости углубления американо-китайских отношений на всех ключевых для обеих держав направлениях.

Третья глава «Региональные институты: происхождение, структура и последствия» (*Regional Institutions: Sources, Design and Effects*) представляет собой систематическое рассмотрение институтов и механизмов регионализма и их воздействия на региональный межгосударственный порядок. Автор подчеркивает, что экстравертные «интернационализирующиеся» регионы склонны к кооперативной тактике поведения, однако вовсе не благодаря региональной военно-политической и финансово-экономической интеграции на западный, европейский манер. Как правило, у таких платформ отсутствует стремление обособиться, создать внешний «защитный кокон». Напротив, для них характерно привлечение зарубежных инвестиций, внутренние экономические реформы с целью снизить внешне торговые барьеры, ограничение расходов на ВПК. Э. Солинген подробно описывает все механизмы *внешнеориентированной* регионализации и те сложности, которые могут возникнуть в импортозамещающих отраслях экономики в результате конфликта интересов из-за протекционистских мер национального правительства. В итоге государствам приходится находить консенсус, «сглаживать углы» по конфликтным вопросам во имя «общего блага», что и выражается в выборе интеграционной стратегии.

Автор предпринимает попытку структурировать существующие теории регионализма (интеграции) в единый научно-дисциплинарный комплекс (с. 175). Э. Солинген считает, что природа и «силовой» (совокупный военно-политический и экономический) потенциал доминирующей национальной коалиции способны объяснить *причины возникновения (происхождения)* региональной платформы, повлиять на конечную *форму организации* регионального сотрудничества и определить *последствия (эффект) регионализации*. Для этого исследователь должен знать следующие характеристики коалиций: (1) четко ли обозначены интересы и существует ли ощутимая выгода от сотрудничества для каждого участника внутри объединяющейся группировки? (2) какую форму имеют модели партнерства и есть ли синергетический эффект от взаимодействия на ранней стадии сотрудничества? (3) насколько велики трансакционные издержки на формирование органов института регионализма (интеграции)? На базе этих критериев Э. Солинген выстраивает собственную (авторскую) концепцию теории регионализма.

Автор разбирает кейсы четырех региональных организаций — *АСЕАН*, форума *АТЭС* и *Асеановского регионального форума (АРФ)* для Восточной и Юго-Восточной Азии и *Азиатско-Тихоокеанского макрорегиона*, в целом, и *Лиги арабских государств (ЛАГ)* применительно к Ближневосточному региону. Все формы регионализма проанализированы согласно вышеуказанной методике (с. 196). Автор приходит к выводам, которые не согласовываются с некоторыми постулатами классических теорий МО (например, неореализмом, который не способен объяснить интеграционные процессы в Юго-Восточной Азии при существующем балансе сил). Эмпирически показано, что региональные институты вне Европы являются нормальным, а не аномальным явлением и интеграция возможна и без «слепого», догматичного копирования и следования теории интеграции западноевропейского образца.

В финале представлен краткий, но емкий анализ интеграционных процессов на

Европейско-Средиземноморском макро-региональном пространстве (с. 206-210). Подтверждена важность трех основных факторов, которые способствуют укреплению межгосударственного сотрудничества в четырёх рассмотренных регионах: «внешнеориентированные» экономические реформы, процесс демократизации и нарастающая роль региональных институтов.

В последней главе «Региональные траектории безопасности» (*Regional Security Trajectories*) дана оценка основным направлениям внешнеполитической линии в военной сфере и предложена логика ядерной безопасности в Восточноазиатском и Ближневосточном регионах. Совершен краткий дискурс в историю режима ДНЯО и военно-политического выбора держав в пользу разработки или отказа от национального ядерного оружия (с. 234). Э. Солинген считает, что методология анализа межгосударственных коалиций позволит пролить свет на логику поведения государств в каждой конкретной ситуации.

И вновь автор вступает в полемику с неореалистами, для которых ключевым фактором является военно-политический потенциал, а государства исходят из принципов анархии, «самопомощи» (решения собственных проблем своими силами или при помощи временных, но не постоянных союзников) и баланса сил на международной арене (с. 217). Она считает, что немаловажно учитывать и внутривнутриполитический режим государства, национальные элиты и группы давления, тем самым заполняя теоретический пробел в методологической и функциональной базе между теорией МО, политической компаративистикой (сравнительной политологией) и политической наукой (политической философией), делающей опору на осмысление внутривнутриполитических процессов.

«Небезопасность» (т.е. нестабильное состояние национальной безопасности) является зачастую необходимым, но недостаточным основанием для объявления о ядерном статусе государства и разработки собственной атомной бомбы. Более того, существуют исключения, когда страна без

видимой внешнеполитической угрозы активно развивает ядерную программу и подрывает основы режима нераспространения. В качестве примеров указаны отдельные латиноамериканские и арабские страны в 70-х и 80-х годах XX века (с. 221). Под вопрос поставлена и эффективность «ядерного зонтика» в качестве «гаранта» сдерживания и «непреодолимого препятствия» для разработки собственного ОМУ потенциальным противником.

Согласно Э. Солинген, внешнеполитическое поведение во многом определяет внутриполитический режим (примеры КНДР, Ирака, Ливии и Ирана). Критике подвергаются и положения нелиберального институционализма, приверженцы которого не могут эмпирически (количественно и качественно) доказать эффективность ДНЯО (с. 223). Помимо того, автор считает, что государства склонны присоединяться к режиму нераспространения в силу внутренних политических интересов и расклада сил, нежели из-за приверженности к общим ценностям и нормам. Социальный конструктивизм также не совершенен, поскольку не объясняет политическую индифферентность и «моральное безразличие» отдельных стран к ядерным испытаниям в государствах Южной Азии и, даже, явным нарушениям [режима нераспространения] со стороны КНДР и Ирана.

Приведен пример принципиального отказа Японии от разработки ОМУ. Южная

Корея и Тайвань также активно переняли опыт азиатской державы, умело воспользовавшись партнерскими отношениями с США (с. 239). Обсуждается идея низкой зависимости «ядерного выбора» от длительного функционирования устойчивых демократических институтов (Индия и Израиль). Таким образом, автор приходит к выводу, что нет прямой корреляции между либеральным внутриполитическим выбором и отказом от ядерного оружия. При этом склонность к военной агрессии между демократическими странами определена ниже, чем между авторитарными режимами (или демократией и автократией). Однако в заключение предлагается гипотеза зависимости выбора в пользу ядерного/безъядерного статуса государства от типа коалиционных процессов) или самой страны («экстравертной» или «интровертной» модели развития).

Монография Э. Солинген отличается краткостью и высокой информативностью изложения. А ее постоянная полемика с классическими и «новыми» теориями МО подкупает своей доказательной базой. Книга оставляет приятное впечатление нетривиальностью рассуждения, пастернаковским желанием «дойти до самой сути». Довольно редкое – по нынешним временам.

*Артур Ермолаев,
Андрей Байков*

кандидат политических наук